

И. ИГНАТОВ

Об Андрее Белом

В редакции получено несколько писем, высказывающих недоумение по поводу помещенного в «Русских ведомостях» отрывка «Котик Летаев» Андрея Белого¹. Одни корреспонденты недовольны чрезмерной необычностью и непонятностью рассказа; другие выражают недовольствие редакцией, которая, по своим воззрениям, не может, — говорят они, — иметь много общего с г. Андреем Белым; третьи просят, четвертые требуют объяснения. Я лично получал несколько таких писем, вызывающих на «объяснение». За себя лично и отвечаю.

Само собой разумеется, что помещение какого-нибудь художественного произведения не может говорить не только о солидарности общественных, философских, религиозных воззрений автора и редакции, но и о полном соответствии художественных вкусов. Беллетристическое произведение может быть талантливой попыткой подойти к изображению душевного мира человека путями до сих пор мало исследованными. Попытка, по вашему мнению, допустим, обречена на неудачу; но она талантлива; в ней, — пускай тонкие, пускай хрупкие, — но ясные нити, старающиеся связать мир таинственных душевных глубин с их внешним выражением; и произведение вас заинтересовывает, и вы — даже, допустим, недовольные окончательным результатом — признаете право такого произведения на ваше особенное внимание. Знакомство с таким произведением нужно читателю, даже если оно не доставит ему тех привычных эстетических эмоций, которых он ожидает от художественного произведения.

Кажется, это общее рассуждение неоспоримо, я бы сказал даже, банально. Доказывать его нет необходимости. Теперь в частности об А. Белом.

Его новое произведение — насколько можно судить о нем по небольшому отрывку — следует тому же пути изображения душевных процессов, каким шел автор в «Петербурге». Трудность

ознакомления с этим путем заключается в непривычной манере изложения, пытающейся внешними приемами передать сложную игру движений эмоционального мира. Для того чтобы эта манера не поражала неприятной искусственностью, чтобы она не замечалась как придаток, а чувствовалась как некоторая необходимость, к ней нужно привыкнуть. Привычка дается не легко, и даже «Петербург» можно было оценить вполне только тогда, когда он появился в отдельном издании.

Предметом исследования, как в «Петербурге», так и в отрывке из нового произведения, является мир подсознательный, мир эмоций, противоречивых, иногда мимолетных, иногда упорно настойчивых, преследующих, непонятных. Они лишь смутно, клочками, доходят до сознания, и эту клочковатость их автор пытается передать в манере изложения, порывистой, лишенной видимой последовательности, но в действительности упорно «державшей одну линию», как держит эту линию разбросавшаяся, обеспокоенная, внешне разбросавшаяся, но внутренне сосредоточенная на одном пункте душа. Между формой и содержанием «Петербурга», между взбудораженным душевным миром персонажей и такой же взбудораженной манерой изложения автор проводит нерасторжимую связь, — и в некоторых местах достигает в этом отношении совершенства.

Напоминаю одну главу «Петербурга», где, кажется мне, это соответствие формы и содержания особенно ярко и где в противоречивых извивах подсознательности чувствуется концентрирование около одного беспокоящего пункта. Называется эта глава «И притом лицо лоснилось». Дело происходит в чайной, где назначено свидание двух революционеров. Один из них, Александр Иванович, впервые знакомится с Липпанченко, передающим ему чьи-то повеления. Александр Иванович не знает, какую нравственную ценность имеет Липпанченко; сознательно он не подводит итога впечатлению, получаемому от нового знакомого. Он в точности исполняет повеление. Но в его подсознательном мире происходят непостижимые, ничем, по-видимому, не связанные между собой скачки ощущений, воспоминаний, неожиданных ассоциаций, которые в действительности вертятся около одного пункта. Еще раньше, чем начался разговор, раньше, чем появился Липпанченко, «вдруг» настороженная душа Александра Ивановича испытала что-то, что сознательно представилось как «некая гадкая слизь», проникшая за воротничок и потекшая «по позвоночнику». А когда серьезный и таинственный разговор о месте хранения бомбы начался с полным сосредоточием внимания на предмете обсуждения, в подсознательном мире Александра Ивановича шла работа не связанных ни с бомбой, ни с революционными планами душевных движений. Вдруг, ассоциируясь с цветом

костюма Липпанченко, всплывали в воспоминании темно-желтые обои комнаты, в которой жил Александр Иванович, а на этих обоях — сырое пятно, по которому проползала мокрица. Затем, так же внезапно, потянулись «тривиальные до безобразия» слова на *ы*, рыба, глыба, и сам «Липпанченко сидел перед ним бесформенной глыбой, и дым от его папиросы осклизло обмыливал атмосферу». Бессознательная работа души вызвала ощущения чего-то противного, липкого, грубого, грязного, — в то время как сознание ничем не предупреждало Александра Ивановича, что перед ним противный, липкий, грубый, грязный нравственный мир политического провокатора.

Всем этим неожиданным «еры», «мокрицам», «сырым пятнам» на обоях, «гадкой слизи», бегущей по позвоночнику, всей этой толпящейся массе разорванных внезапностей, надвигающихся около одного пункта, соответствует такая же внешне разорванная и непоследовательная, но в действительности связанная в систему манера изложения.

В том отрывке, который был помещен в «Русских ведомостях», — эмоциональный мир ребенка. Сознание едва пробудилось; оно не может справиться с отрывочными надвигающимися ощущениями, с цепью внешних образов, с нитью впечатлений и реакций на них. Одно выплывает, другое вытесняется; несоединимые движения идут рядом, не то споря, не то сливаясь, — и хаотический мир, называемый душой ребенка, представляется автором и с внешней стороны в виде таких же разбросанных, порою смутных, порою внезапно ярких характеристик.

Я смутное только могу говорить;
Сказанья души несказанны, —

говорит современный поэт². Белый стремится передать эти «несказанные сказанья души», и с его оригинальными, талантливыми попытками читатель, конечно, должен знакомиться.

